

тижения «сбалансированности» удовлетворения и развития каждой потребности с другими потребностями сообразно критерию личностного развития индивида. Поэтому реальная конфигурация границы между рациональными и разумными потребностями оказывается очень сложной, «размытой» и во многом условной: они могут и совпадать, и расходиться друг с другом.

Завершая разговор о критериях и ориентирах в развитии и формировании потребностей, подчеркнем следующее. Такого общества, где все потребности удовлетворены сообразно их собственной, имманентной мере, быть не может, поскольку их динамика включает в себе тенденцию количественного возрастания с повышением уровня их удовлетворения, и эта мера не является фиксированной. Кроме того, само признание такой меры порождает «соблазн» свести все потребности к какому-то ограниченному набору. В «экстремальном» случае это будет «биологический» их набор: животные, надо полагать, «счастливы», если удовлетворяются все их потребности. Однако же настоящее, человеческое, счастье им недоступно как раз потому, что им не присущи универсальность потребностей, способность их к безграничному развитию.

Несомненно, что именно в силу этой универсальности человеческое счастье имеет иной масштаб: оно сопряжено не только и даже не столько с удовлетворением, сколько с развитием потребностей. Для того чтобы быть счастливым, надо стать интересным человеком, способным к повседневному духовному творчеству и самостоятельной оценке жизненных явлений, к духовному обогащению других людей, надо выработать соответствующие способности и потребности. Следовательно, такие понятия, как «разумные потребности» и «человеческое счастье», нераздельны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Симонов П. В. Созидающий мозг: Нейробиологические основы творчества. М., 1993. С. 33.

² Туев В. А. Человеческие потребности: (эскиз философской теории). Иркутск, 1998.

³ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики: Пер. с англ. СПб., 1997. С. 32.

⁴ Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 36–37.

А. А. АТАНОВ

кандидат философских наук, доцент

ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: СИСТЕМА И ФУНКЦИИ

В современных условиях, когда происходит разрастание информационной составляющей науки, как никогда важной становится разработка междисциплинарного подхода. Выделить и структурировать смысл невозможно, пользуясь средствами одной научной дисциплины, особенно в том, что относится к социальной сфере. Современное общество качественно изменило свою организацию, поэтому историческая определенность происходящих процессов не позволяет говорить о возможном основании современных проблем, так как в современном

мире нарушенной оказалась историческая последовательность, характерная для выражения социальных процессов, а также связанная с применением исторических методов исследования методология. Статус данности уже не определен ранее происходящими процессами, мы можем наглядно видеть, что изменения происходят не в системе исторических закономерностей, а диалектически.

В рамках предыдущего состояния (исторического) социальной системы происходили и накапливались количественные измене-

ния, в контексте современности количество перешло в качество; такой переход невозможно мыслить и анализировать при помощи построения исторических последовательностей данности. Данность оказалась разорванной. Данность полностью оторвалась от своей памяти, преемственность событий нарушилась. Прошлое потеряло свое значение, но любое прошлое относительно социума выступает и как историческая память. Прошлая данность, воплощенная в исторических закономерностях, уже не нужна, данность же нового не связана с предыдущим, структуры исторической памяти и преемственности не функционируют. Причины этого нужно определить, но для целей данного исследования важнее выделить не самую новую внеисторическую общественную систему, сколько показать ее функционирование относительно структур социума.

Сегодня не связано со вчера; если связи такого плана все-таки воспроизводятся, то необходимо четко указывать на цели такого воспроизводства былого в настоящем, причем былое при таком подходе воспроизводится не как целостность, а в нем вычлениваются и гипертрофируются отдельные стороны. Все эти нарушения образа прошлого, а не самого прошлого, творятся исходя из целей современности или возможной модели будущего (история стала слишком субъективной, как процесс она уже не воспринимается; цель стала не общей, избирательной (нравится и не нравится; нужно или не нужно), слишком связанной с ценностями будущего, а не настоящего). Цель и избирательность создают структурную определенность прошлого. Самопроизвольность исторического процесса здесь не учитывается, история уже не процесс, а избирательно воспринятая данность в системе социального утверждения. Время, в том числе и социальное, определено статусом будущего, а не прошлого.

В этом контексте невозможно говорить и о том, что в современности течение времени изменило свое направление и течет из будущего в прошлое, что было характерно для традиционных культур, просто время стало рассматриваться не по его направлению и движению, а по событиям, которые и

дают определенность времени. Время уже не время без события и контекста события, поэтому прошлое и настоящее теряют свою актуальность. В прошлом событие уже совершилось, а в настоящем совершается, в них события уже предзаданы, и только в отношении будущего возможны качественно новые события, обладающие еще не реализованным смыслом и статусом. При выражении временной определенности в форме прямой линии или цикла невозможно рассматривать ее событийное основание, единственным исключением является религиозная модель. В религии прямая линия времени — это отрезок, имеющий начало и конец, т. е. линия времени ограничена и структурирована не только в отношении ее данности, но и в смысле, который присущ времени в религии (время, возникающее в творении как переход от вечности ко времени, — начало; время «конца времен» — конец).

Событийный характер времени присутствует (в значении М. Хайдеггера) и в современной экономике, но, для того чтобы его выразить, необходимо использовать как инструментарий экономической науки, так и общности, абсолютно не характерные для экономики. Возникновение нового режима времени связано с переработкой и обработкой информации и связанным с этим процессом развитием информационных технологий. Гарольд Иннис еще в 1951 г. уловил нарождающуюся тенденцию, сказав: «Модный ум есть ум, отрицающий время».

Лэш и Урри замечают и совершенно другую тенденцию: время как «господство над природой, когда все виды явлений, практик и мест становятся подчиненными обесцвечивающему, централизующему и универсализующему ходу времени». Время здесь совершенно несобытийно по своей природе, обезличивающее присутствие времени создает не поле смысла, а совокупность последовательностей, приобретающих свое значение в экономическом процессе. Капитализм связан именно с таким ходом времени, но капитализм — это исторически определенная форма организации, мы же говорим о современности, где всякая историческая закономерность не рассматривается как обладающая самостоятельной ценностью.

Ценность истории заключается не в совершившемся, а в том, что, возможно, произойдет. История здесь уже не процесс, а точка, относительно которой организуется будущее, но при условии, что история дана не в прошлом, а в будущем как событийное основание. Капитализм обладает временем и функционирует во времени не событий, а происходящих процессов.

Возникает противоречие между двумя тенденциями определения времени, что же есть на самом деле время — событие или процесс? Особенно актуально выявить нужную тенденцию характера времени для построения экономической действительности, так как результатом будет построение соответствующего типа экономики, ибо экономика — это не только экономическое пространство, но и экономическое время. Четкость фиксации временного среза экономики связана не только с ее статусом настоящего, но и будущего. Возникает возможность гипостазирования экономической действительности не к прошлому, а к будущему.

Д. Харви (1990) определяет изменения, происходящие с капитализмом, как «пространственно-временное сжатие». Мысль не совсем новая, ее выразил еще М. Хайдеггер, ибо время и пространство после появления атомной бомбы сжато, причем именно из-за того, что «сплющиваются» само существование и возможность существования. «Человек оцепенело смотрит на то, что может наступить после взрыва атомной бомбы. Человек не видит того, что давно наступило, совершившись как нечто такое, что уже в качестве своего последнего извержения извергает из себя атомную бомбу с ее взрывом». Смыслы оказываются сжатыми не в пространстве и времени, а в сущности. Само время в таком контексте зависит от событий мира, а не от последовательности процесса. М. Хайдеггер в «Вещи» справедливо замечает: «...близость не заключается в уменьшении отдаленности... Малое отстояние — еще не близость... Близость, по-видимому, невозможно непосредственно обнаружить».

В экономике как форме организации время всегда связано с ситуацией «точно в

срок», иначе разрушается организационная схема экономических процессов, поэтому время в экономике нужно рассматривать как синтез события и процесса. Событие здесь — это сама организация экономики, а функционирование в ней конкретных потоков (информации, ресурсов, управления) и создает точку временного сжатия и определенности. Время нуждается в четком определении как локальное (для предприятия), так и глобальное (для экономики). Правильное соотношение с тем или иным уровнем локализации и организации временной данности позволяет говорить о выявлении тенденций развития.

М. Кастельс точно определяет современную информационную культуру: она есть одновременно и культура вечного, и культура эфемерного. «Вечного — потому, что она охватывает всю последовательность культурных выражений. Эфемерного — потому, что всякая организация, всякое специфическое упорядочение зависят от контекста и цели, ради достижения которой данный культурный конструкт требуется. Мы находимся не в культуре цикличности, а во вселенной недифференцированной темпоральности культурных выражений».

Совершенно очевидно, что экономика и ее тип являются составными частями культуры. Если мы относим современность к информационной культуре, то все особенности информационной культуры накладываются на статус экономической действительности. Правильное определение цели и контекста экономики дает возможность выделить происходящие в ней изменения, что выражает себя как способ, позволяющий отнести к экономическим последовательностям структуры данности. Экономика при таком подходе образует несколько уровней общности, привязанных к темпоральной составляющей, с одной стороны образующей иерархию, с другой — последовательность. Тем самым мы снимаем противоречие между временем события и временем последовательности, наличествующими в экономике, так как возникающая при этом модель по своим функциям ориентирована на избирательность сис-

темы экономических действий, относимой к различным уровням экономической действительности.

Попытаемся построить реальную экономическую модель, структурированную через время. Наиболее адекватно в этой модели будет воплощаться система инноваций. В экономической науке существует несколько схем определяющих экономику инноваций. По отношению к схеме инновации меняются рыночные механизмы. Если в качестве инновации мы рассматриваем продукт, то рентабельность фирмы сильно зависит от неопределенной реакции потребителя. Если происходит инновация-процесс, не меняющая характер продукта, рыночные ограничения гораздо четче. Мэнсфилд (1968), исследуя темпы роста фирм, приходит к выводам, что фирмы-новаторы растут быстрее, чем отстающие. Но хотя фирмы-новаторы сохраняют преимущества на протяжении нескольких периодов, они со временем сходят на нет, так как у других фирм есть возможность догнать новатора путем имитации или сопоставимых, или превосходящих нововведений.

Инновация-продукт связана с инвестициями в НИОКР самой фирмы-новатора. Более поздние пользователи инновации наблюдают за поведением и эффективностью функционирования фирм, раньше их прибегнувших к инновации. Поэтому в экономике должен соблюдаться очень точный баланс между инновациями и имитациями.

Новый продукт обладает той спецификой, что он нарушает нормальную рыночную ситуацию, взрывая рынок. Рынок и рыночные институты для фирмы-новатора не самоцель (новый продукт должен создать рыночную ситуацию в отношении себя, а не рассматриваться в контексте имеющихся на рынке продуктов), а лишь фиксация изменений, произошедших в организационных и технологических приемах и методах, связанных с реализацией нового продукта.

Создавая экономику инноваций, можно действовать несколькими способами. Первый, простейший, способ — это патент, но патент закрепляет сложившийся статус, по сути не воздействуя на имитацию. Вто-

рой — это изменение характера собственности, которая из частной превращается в личную, т. е. закрепляется уникальный характер инновации. Но и то, и другое замораживает процесс экономического развития, делая экономику событийной, снижение себестоимости возможно только при массовом характере производства, где имеющиеся новшества и былые открытия быстро снижают свою цену относительно действительности рынка. Поэтому, как это ни противоречиво звучит, рыночная регуляция производства инновационных продуктов нуждается в нерыночном основании, где инновации, инвестиции и имитации образуют единый контекст, но это общность качественно другого порядка, которую невозможно реализовать на уровне отдельной фирмы.

Причем вряд ли какая-нибудь фирма может позволить себе качественно иной тип бизнеса, не связанный с предшествующей производственной программой, что дает возможность говорить об иной организационной схеме не только производства нового продукта, но и нового продукта, совершенно не связанного с текущими экономическими и технологическими схемами. Возможность таких изменений закладывается при построении общностей очень высокого плана, включающих в себя не отдельные фирмы, а единое поле смысла, контекста, событий и процессов, ориентированных на инновации, что подразумевает не локальную, а глобальную организацию экономики.

Россия при такой постановке проблемы не в состоянии занять нужное место на рынке с качественно новыми продуктами, так как не существует единого поля новаций, действующего как синтез последовательностей и событий. Наука и научная система России, ориентированные на высокие технологии, вполне естественно начинают работать не на нужды отечественной экономики, а на те экономики, которые четко позиционируют событие и последовательность во времени. При такой организации экономики востребованными становятся недействительные в настоящее время, а действительные в отношении бу-

дущего технологии. При этом меняется временной срез данности, а не данность временного, что весьма характерно для отечественной экономики.

Непонимание инновационных схем, которые зависят не от статуса экономики в настоящем, а от общностей более высокого порядка, таких как временная положенность в отношении будущего, рассматриваемая одновременно и как процесс, и как событие, приводит к искажению экономической действительности. Действующая экономика, не связанная с будущим процессом и событиями, становится архаичной, действующей по организационным схемам XX в., что, к несчастью, мы видим на примере

российской экономики, где, несмотря на имеющийся в ней высокий уровень развития науки и системы инноваций, нет соответствующих механизмов экономического роста. Базовая причина этого — непонимание, что инновация всегда связана с инвестициями. Но в этом же и заключается базовое противоречие. Однако эта связь совершенно неочевидна, так как в нормально функционирующей экономике в отношении времени выражены и инновации, и имитации. Экономика образует целостность процессов и событий, где критерий эффективности определяется вариативно в системе общностей экономической модели, а не отдельных инноваций.

Н. И. БАБЕНКО

доктор философских наук,

профессор Иркутского государственного университета

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ МИРА

Известно, что моделирование широко используется в теоретическом мышлении как средство познания предметов реальности и как средство непосредственной или опосредованной проверки научных знаний. С помощью моделирования познание движется от абстрактных моделей, теоретически неполно раскрывающих сущность исследуемого объекта, к моделям теоретически конкретным, более полно раскрывающим сущность исследуемого объекта.

В качестве исходных автор берет в данной статье модели философского познания макромира, сконструированные Ф. Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»¹.

Первая из них фундаментальная (всеобщая). Основными ее конструктами являются: ступени научного познания; бесконечное их развитие от низшей к высшей; переходящий характер каждой ступени, имеющей оправдание для того времени и тех ус-

ловий, которым она обязана своим происхождением; упадок каждой ступени с течением времени и ее гибель, так как она лишается своего оправдания и уступает место более высокой ступени².

Ф. Энгельс, конкретизируя фундаментальную модель, выделил две ступени философского познания мира — метафизическую и диалектическую. Первая из них, по мнению Ф. Энгельса, исчерпала себя, пришла в упадок и гибнет. Ее место занимает и с течением времени окажется единственной ступень диалектическая.

Наряду с фундаментальной (всеобщей) моделью Ф. Энгельс конструирует частную (особенную) модель естественнонаучного познания. В ней он выделяет: период до конца XVIII столетия (естествознание в этот период было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах) и период XIX в. (естествознание стало, в сущности, упорядочивающей наукой, наукой о процессах, о происхож-